

«БЛАГОЕ ПРОСТРАНСТВО», ЗИККУРАТ, КУПОЛ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ “AN AUSPICIOUS SPACE”, A ZIGGURAT, THE DOME: PRELIMINARY NOTES

© 2023 **Эскандер Муслимович Байтенов**

доктор архитектуры РФ и РК, ассоциированный профессор-исследователь, Международная образовательная корпорация Казахская головная архитектурно-строительная академия, почетный архитектор Казахстана
Алматы, Казахстан
e-mail: bajte@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0509-8396

Eskander M. Baitenov

Doctor of Architecture (Russian Federation and Kazakhstan), associated professor-researcher, International Educational Corporation, Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering (KazLAACE), Honorary architect of Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan
e-mail: bajte@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0509-8396

Идея огороженного от внешнего хаоса пространства, весьма актуальная для климатических условий Месопотамии, очевидно, была воплощена как в постройках (загоны для скота, обнесенные стеной поселения, храмы), так и в духовной сфере. В мифах об Эдеме и ковчеге прослеживаются некоторые соответствия со структурой ближневосточных раннеолитических храмов (но без взаимной зависимости между ними в виде «обозначаемого» и «обозначающего»). Обе линии процесса формообразования — и в архитектуре, и в мифе, развивались по одному и тому же универсальному сценарию последовательного освоения пространственных архетипов: от «фигуры на плоскости» (в архитектуре — раннеолитический храм, в мифе — Эдем) до «пирамиды»

(в архитектуре — зиккурат, в мифе — ковчег на вершине горы). Истоки идеи ковчега, вмещающего людей и большое количество животных, видятся не в гигантском судне, а в древних искусственных островах (соответствуют стадии «фигура на плоскости»), очевидно, создававшихся шумерами в дельте рек Тигра и Евфрата.

Ключевые слова: Эдем, ковчег, пространственный архетип, миф, ранненеолитический храм, T-стела, зиккурат, Атрахасис, Утнапишти

Для цитирования: Байтенов Э. М. «Благое пространство», зиккурат, купол: предварительные заметки. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 3. С. 77–85. DOI: 10.18254/S268684310028129-9

The idea of separation of the space from the so-called environmental chaos, which is quite topical for the regional climate of Mesopotamia, was established by both the material activities (cattle pens, fences settlements, temples) and spiritual spheres. Considering the myths on the Eden and Ark one can point out some structural correlations with the Middle East temples of the early Neolithic period (but without their mutual interdependence in the form of the “determining” and “determined”). Both directions of the process of form-development — in the architecture and myth evaluated in line with the same scenario. They were performed by the progressive adoption of the spatial archetypes: from the “figure on the plane” (in architecture, it is the temple of the early Neolithic period and the Eden — in the myth) and up to the “pyramid” (in architecture, it is ziggurat and the Ark on the top the mount — in the myth). The roots of the idea of the Ark, which contains huge amount of people and animals, we can suggest derives not from the gigantic ship but from the ancient Sumerians’ activity that created artificial islands (correlated with the stage of the “figure on the plane” of the form-development) in the valleys of the Tigris and Euphrates rivers.

Keywords: Eden, Ark, spatial archetypes, myth, temple of the early Neolithic period, T-stele, ziggurat, Atrakhases, Utnapishty

For citation: Baitenov Eskander M. “An Auspicious Space”, a Ziggurat, the Dome: Preliminary Notes. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 77–85. DOI: 10.18254/S268684310028129-9

Протохрам «Гёбекли тепе» и ранненеолитические храмы типа Невали Чори (Юго-Восточная Турция, ранний докерамический неолит) [Шмидт, 2011; Корниенко, 2006] возведены в дописьменный период¹, поэтому неизвестны достоверные сведения о верованиях, связанных с ними. Впрочем, в «базовых» мифах об Эдеме и ковчеге, в котором во время Всемирного потопа спасаются люди, прослеживаются некоторые соответствия со структурой означенных храмов. Последнее обстоятельство способно помочь проникнуться атмосферой, в которой они возникли и попытаться представить в каком направлении происходило их дальнейшее развитие в контексте ближневосточной культуры.

Образ огороженного от внешнего хаоса пространства, весьма актуальный для климатических условий Месопотамии (засухи, пыльные бури, наводнения) очевидно должен был постоянно воплощаться на самых различных уровнях бытия (загоны для скота, обнесенные стеной поселения, огороженные сады и поля, культово-мемориальные постройки и т. д.), а также дублироваться в духовной культуре. Такими проявлениями «благого» пространства являются Эдем и ковчег.

Идея Эдема могла зародиться из противопоставления освоенного, благоприятного для жизни пространства враждебному окружению. В шумерском мифе об Энки и Нинхурсаг (EN),

1 Автор признателен Т. В. Корниенко за возможность обсуждения темы и предоставление труднодоступной литературы.

в котором Самюэл Крамер видел истоки ветхозаветного Эдема [Крамер, 1991, с. 149–155], особую ценность представляла «сладкая» (пресная) вода и выращенные с ее помощью съедобные растения, а также фрукты и овощи. Все это отражало месопотамские неолитические реалии, где в долинах великих рек необходимо было обустраивать орошаемые участки с окультуренными растениями, защищая их от периодически случившихся разливов, потравы животными и особенно от летних засух, вызывавших разрушительные песчаные бури [Carolin et al, 2019]. Наиболее продолжительные из них, возможно, даже уничтожили процветавшую Аккадскую империю [Carolin et al, 2019, p. 70].

В поэме «Жалобы Ибби-Суэна», написанной от лица последнего шумерского царя [Белицкий, 1980, с. 183–185], государство которого на протяжении двух десятков лет подвергалось разрушению, все его беды описываются через мрачные образы климатической катастрофы — «безумный вихрь и ураган могучий» с чередой губительных последствий.

Другим архетипическим «отпечатком» пространства, противостоящего внешнему хаосу, является ковчег — миф о потопе был распространен не только на Ближнем Востоке, но и гораздо шире [Фрезер, 1989, с. 167–182]. Бушующие волны и изливающийся с небес ливень обусловили форму знаменитого ветхозаветного ковчега, представлявшего собой нечто похожее на корабль, внутри которого находились Ной, его жена с их сыновьями и женами, животными и т. д. Примечательно, что в более древнем аккадском мифе, в тех же условиях мощной бури, ковчег Утнапишти (прототип Ноя) тем не менее имел форму, далекую от аэродинамической — форму куба. Несмотря на это, «аккадский» ков-

чег Утнапишти, подобно ветхозаветному, благополучно выдерживает шторм и причаливает на вершину горы Низир. Утнапишти находится в нем с семьей, ремесленниками и «божьими тварями», вплоть до насекомых. В обоих случаях, ковчег представлял собой «огороженное» пространство, защищенное тем самым от агрессивной внешней среды, как и другие его версии — продолговатый ковчег Ксисутра (Ксисутр — строитель ковчега, сведения о нем сообщает Беросс, вавилонский жрец III в. до н. э. [Финкель, 2016, с. 213–215]) и, скорее всего круглый в плане — Атрахасиса (Атрахасис — вавилонский строитель Ковчега [*Мифы народов мира*, т. 1, с. 123]).

Ирвинг Финкель приводит руководство по строительству ковчега Атрахасиса на вновь найденной клинописной глиняной табличке, названной им «табличка ковчега», с очень подробным перечислением количества материалов, необходимых для постройки судна. О форме же и размерах ковчега сообщается не столь подробно и не совсем однозначно, скорее в виде своего рода математической задачи. Принципиальным и совершенно новым в понимании формы ковчега Атрахасиса, является сообщение, что он должен быть построен «на круговом плане». Помимо окружности в плане оговариваются равные друг другу его длина и ширина (что в современном понимании кажется избыточным уточнением²), но вместо их размеров дана площадь³ ковчега в 1 акр, то есть 3600 м² [Финкель, 2016, с. 141, 142, 181].

По мнению Финкеля, ковчег должен был представлять собой нечто вроде гигантского коракла — круглой в плане чашеобразной лодки, широко распространенной в Месопотамии вплоть до XX века [Финкель, 2016, с. 142, 150,

2 Впрочем, последнее уточнение могло быть связано со спецификой архаического мышления, с его характерными повторами и избыточной информацией.

3 Интересно, что И. Финкель, упоминая зиккурат Этеменанки [Финкель, 2016, с. 263], сообщает его высоту и площадь основания, уточняя, что в плане он был квадратным (то есть, «равны его длина и ширина»). Таким образом, за исключением «кругового плана», точно так же описан в мифе ковчег Атрахасиса. Примечательно, что вертикальные членения ковчега Утнапишти (семь частей) совпадают с количеством ступеней зиккурата Этеменанки (шесть платформ, венчаемых святилищем). При этом зиккурат, подобно ковчегу Утнапишти, имел одинаковые размеры в длину, ширину и высоту (очевидно, 91 метр) [Финкель, 2016, с. 263].

158 и др.]. Исходя из описания руководства по строительству ковчега, Финкель делает весьма интересный вывод: само это описание ковчега Атрахасиса является школьной задачей [Финкель, 2016, с. 338]. В школьных геометрических построениях на глиняной табличке, которую приводит Финкель [Финкель, 2016, рис. на с. 143], начерчены фигуры в виде окружности, вписанной в квадрат, но есть таблички и более «насыщенные» сочетанием этих фигур [Robson, 2008, продолжение рис. 2.10. на с. 49].

На наш взгляд, наряду с «круговым планом», то есть с непосредственно круглым в плане ковчегом, это описание могло быть также и руководством к одному из простых способов построения квадрата. В таком случае нельзя исключать, что в табличке ковчега, особенно если она имела отношение к школьной задаче, в том месте, где говорится о построении проекции ковчега «на круговом плане», в следующей за ней строчке, сообщается, что длина должна быть равна ширине, содержится методика построения квадрата. Это было актуально, поскольку Атрахасис, по его же признанию, никогда не занимался судостроением (как и аккадский школьник, впервые постигавший азы геометрии).

Представляется, что алгоритм школьной задачи мог быть следующим: во-первых, по заданной площади (1 акр = 3600 м²), нужно было вычислить сторону квадрата. Определить ее размер, исходя из площади, было вполне реально, учитывая широкое распространение землемерных работ и практики определения площади земельных участков. Судя по чертежам, первым шагом было вписывание в многоугольник такого участка наиболее крупной фигуры прямоугольника или квадрата, далее — оставшиеся части заполнялись более мелкими фигурами [Robson, 2008, рис. 3.5. на с. 62–63] (возможно, даже существовала таблица прямоугольников со сторонами $a + b$, соответствовавших различным площадям, — аналог таблицы умножения). Гораздо сложнее было по площади круга определить его диаметр (радиус).

Как признает сам Финкель, «производить вычисления, связанные с кругом, вавилонянам было трудно, потому что число π им было известно лишь в очень грубом приближении» [Финкель, 2016, с. 378]. Квадрат же с площадью в 1 акр (3600 м² = 60,0 м x 60,0 м), скорее всего был «типовым» примером, вроде выражения «как дважды два». Во-вторых, на основе диаметра 60 метров обводилась окружность вокруг выбранного центра, а на ее основе строился квадрат. При таком методе построения, ценным было то, что фиксировался центр фигуры плана, и, наверное, еще и то, что все начиналось с этой *исходной*, а следовательно, имевшей высокий семиотический статус точки. Изначально фиксировался центр и соответственно, закладывалась вертикальная ось. С помощью этих базовых параметров, очевидно, активизировались важнейшие пространственные и символические аспекты строящегося объекта.

Ветхозаветный Эдем в какой-то степени является описательной моделью храмов, особенно типа Невали Чори. Это квадратные или прямоугольные в плане постройки с двумя доминирующими антропоморфными Т-стелами в центральной части и аналогичными стелами меньшего размера, расположенными по периметру помещения⁴. Форма храма Невали Чори, напоминает квадратное («кубическое») пространство аккадского ковчега Утнапишти: две центральные стелы — первопредка и его жену соответственно, а стелы, расставленные по периметру, — сопровождавших их людей. Планировка же и обустройство храмов типа Невали Чори, очевидно, преемственно связаны с Гёбекли-тепе, поскольку в центре каждой окружности этого храма также расположено по две Т-стелы, а в окружностях стен — стелы меньшего размера. Выполненные в барельефах многочисленные животные, птицы и даже насекомые напоминают ветхозаветный и в еще большей степени, аккадский миф, где специально подчеркнута — «**всех букашек принес я туда**» [Хук, 1991].

4 См. о схожих постройках статью, опубликованную в «Восточном курьере» ранее [Брентъес, 2021]. — *Ред.*

Тем не менее видеть в таких структурных ассоциациях прямые аналогии между элементами храмов и мифологическими персонажами не представляется возможным. Подобно тому, как не просматривается прямая иллюстративная связь между героями шумерских мифов и изображениями раннединастической глиптики, то есть, литературы и изобразительного искусства на раннем этапе развития шумерской письменности [Афанасьева, 1979, с. 148, 151]. Так, не известны стелы, изображавшие мужчину и женщину, тогда как существуют парные «мужские» стелы [Корниенко, 2011, с. 90], то есть, «столбы типа Невали Чори», вероятнее всего, изображали мужских персонажей [Корниенко, 2015, с. 105].

В то же время нельзя исключить, что в условиях «тектонических» сдвигов в неолитических представлениях, запечатлевшаяся с раннего неолита пространственная «матрица» в виде огороженного пространства с двумя вертикальными элементами⁵, могла «наполниться» за тысячелетия иным, в том числе и «двуполым гендерным содержанием», что и отразилось в мифах. То есть, в дошедших до нашего времени мифах мог быть использован «мифологический алфавит», на котором в древнейших мифах рассказывались «совсем другие истории». Тем не менее и «новые» истории, рассказанные с помощью этого «алфавита», вписывались в «старую» матрицу — пространственную структуру, сложившуюся еще в указанных храмах. В частности, элементом, ассоциированным с упомянутыми парными стелами раннеолитических храмов, возможно являются, если не Адам и Ева, то два дерева — Дерево познания и Дерево

добра и зла, расположенные в центре Эдема.

Подобное защищенное от внешнего хаоса пространство с двумя персонажами известно и в других культурах: авестийская вара, обитель праведников — квадратная ограда-крепость со стороны «в лошадиный бег», возведенная первопредком и культурным героем Йимой (этимологически, «близнец», «двойник»; его сестра Йимак была и его женой — два разнополых персонажа внутри огороженного пространства), куда и были помещены священные огни, люди и животные, чтобы защитить их от насланных богом чудовищных холодов. Такова же квадратная в плане обитель Ямы в Ригведе — рядом с ним его сестра-близнец Ями [*Мифы народов мира*, т. 1, с. 215, 599, т. 2, с. 682, 683].

Говоря об ассоциациях между пространственными характеристиками в мифологических образах и в архитектуре, подчеркнем, что все варианты ближневосточных ковчегов на вершине горы напоминают объемно-пространственную структуру зиккурата — уступчатую пирамиду, венчаемую святилищем. Кстати, и в этих святилищах происходила встреча двух персонажей (царственного и божественного).

Пространственная организация Эдема («цветущий сад») и ковчега («святилище» на вершине горы), как будто бы отражают начальную и завершающую стадии освоения пространства — от ограды (архетип «фигура на плоскости») до пространства, «собранного» вдоль вертикальной оси (архетип «пирамида») [Baitenov, 2022]. Примечательно, что в Ветхом Завете соблюдена именно такая последовательность — сначала Эдем, а затем ковчег.

5 Возможно, что в поисках типологических аналогов парным Т-стелам ранних ближневосточных храмов, нужно обратить внимание на два стоящих рядом дерева, между которыми во время медвежьего праздника привязывался жертвенный медведь-тотем. Примечательно, что у амурских народов (айны, ороки, орочи), медведя привязывали между парными столбами-тугуси с виллообразно раздваивающимися вершинами [Васильев, 1948, с. 97]. Иногда подобные виллообразные столбы устанавливались и на границе жертвенной площадки, что созвучно рассматриваемым раннеолитическим храмам с двумя центральными стелами и стелами в стенах, огораживающих храм. В Юго-Восточной Азии на больших поминках и во время аграрных праздников привязывали священных жертвенных буйволов к столбам с раздваивающимися вершинами [Васильев, 1948, с. 98]. Возможно, раздваивающиеся наверху столбов (это отчасти ассоциируется с верхней частью Т-стел) в истоках соотносились именно с рогаемыми животными. Отметим, что в раннеолитических культурах Ближнего Востока и Т-стелы, и исключительно важный культ быка очевидно восходят к палеолиту.

Если стадии освоения пространства [Baitenov, 2022] совместить с формой ковчегов, расположенных в хронологическом порядке, то получится, что ковчег Атрахасиса со стеной в один ниндан высотой (6 метров) и площадью «1 акр» (3600 м²), соответствует архетипу «платформа», далее происходит развитие пространства вдоль вертикальной оси. Апогеем развития всех ковчегов является их остановка на вершине горы, что вместе с ней дает архетип «пирамида». Кубический ковчег Утнапишти в этой последовательности можно считать промежуточной стадией между «платформой» и «пирамидой».

Описание шумерского ковчега Зиусудры (Зиусудра — шумерский строитель ковчега [*Мифы народов мира*, т. 1, с. 469]) не сохранилось, но очевидно и он мог быть не самым ранним в развитии шумеро-аккадской мифологии. Истоки же темы ковчега на наш взгляд могли быть вообще не в судне, предназначенном для плавания, а в устройствах типа плота, в частности из тростника в виде искусственных плавучих островков. На таких островках в заболоченных дельтах Тигра и Евфрата с их непредсказуемыми разливами и падением уровня воды до недавнего времени проживали мааданы — озерные арабы⁶. Подобные островки с постройками, заселенными людьми и домашними животными (по аналогии с плавающими гнездами лебедей, чомг и других болотных птиц) не были предназначены для передвижения (хотя и не исключали его), они в первую очередь были прекрасно приспособлены к периодическим «микротопам». Такие острова, расположен-

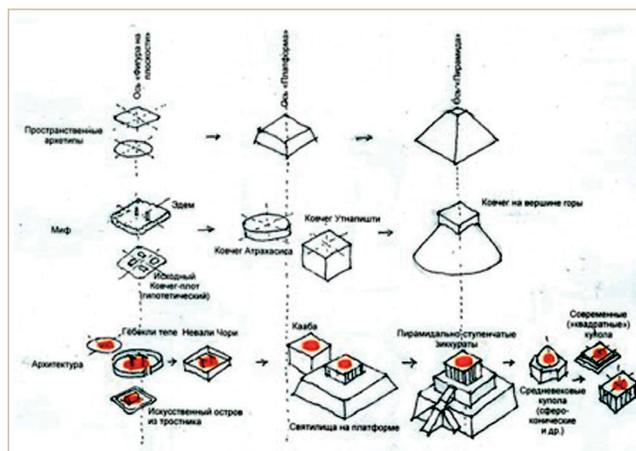
ные близко один к другому, составляли целые деревни, так что по площади могли приближаться к мифологическим ковчегам. То есть, на ранних стадиях возникновения мифа о ковчеге, в виде предполагаемого нами плавучего острова, в таких размерах не было ничего странного. Будучи же перенесенными на ковчег-судно, они сделали его таким огромным, что, наверное, и в древности можно было смириться с этим только в рамках мифологической реальности.

Искусственный плавучий остров — это по существу плот, а в аспекте структурированного пространства, не что иное как «фигура на горизонтальной плоскости». Это и есть недостающая первая фаза в приведенной выше схеме освоения формы, за которой следуют фазы «платформа» и «пирамида». Надо понимать, что эти фазы («фигура на плоскости», «платформа» и «пирамида»), являются ключевыми станциями в направленном развитии формы. В реальности же могло существовать множество переходных форм, в частности, ковчег Утнапишти.

Таким образом, подчеркнем, что обе линии процесса формообразования — и в архитектуре, и в мифе, проходят по одному и тому же сценарию последовательного освоения пространственных архетипов (*Илл. 1*): от «фигуры на плоскости» через стадию «платформа» — до «пирамиды». В то же время, ни святилища с огороженным «благим пространством», коими являлись раннеолитические храмы, ни уступчатые сооружения с венчающим их святилищем — зиккураты⁷, не являются калькой соответствующих мифов об Эдеме или ковчеге

6 Периодически затапливаемые дельты рек Тигра и Евфрата, где с глубокой древности использовались плавучие островки из тростника, были как нельзя лучшими условиями для возникновения мифа о Потопе и ковчеге. В этой связи примечательно, что кораклы, в которых Финкель видит прототип ковчега Атрахасиса, были распространены в окрестностях Багдада даже в середине XX в., совершенно не встречаясь в заболоченных дельтах рек [Тесиджер, 1982], где и расположены на искусственных островках деревни мааданов. Именно часто затапливаемая «шумерская» дельта могла послужить триггером для возникновения мифа, эхо которого на разные лады могло звучать в областях, заселенных семитами, с учетом сложившихся там «региональных» условий. Во всяком случае, уже Авраам из Ура, находившегося в дельте Евфрата, знал о Потопе [Финкель, 2016, с. 248]. Как известно, традиция дольше всего сохраняется в месте возникновения, тогда как даже пышно цветущее явление вдали от источника быстро выгорает. Это очевидно можно отнести не только к плавучим островам, но и к кораклам, даже если в период своего наибольшего распространения они использовались и в дельте Евфрата.

7 В освоении пространственных архетипов речь идет о «прорыве» в пространственных представлениях, дающем но-

Илл. 1. Последовательность освоения пространства в мифе и архитектуре (хронология и масштаб условные). © Рисунок автора
 Fig. 1. The sequence of the development of space in myth and architecture (chronology and scale are conditional). © Drawing by the author

на вершине горы. Но и миф, и архитектурные сооружения отражают универсальные закономерности освоения пространства и созвучны на уровне архетипа (ранненеолитический храм — Эдем, зиккурат — ковчег на вершине горы).

Возвращаясь к ассоциации между архитектурными и мифологическими формами, основанной на последовательности освоения пространственных архетипов, отметим, что кубическую форму, напоминающую ковчег Утнапишты, имеет древнее мекканское святилище, а ныне — величайшая святыня ислама Кааба. По мусульманскому преданию святилище построено пророком Ибрагимом (Авраамом). Первоначально внутри кубического объема находился каменный идол курейшитов — Хубала (ср., аккадский «монстр» Хувава, Хумбаба), что напоминает название святилища. Считается, что название Кааба — كعبة, восходит к слову الكعب «куб». Такова же, очевидно, этимология слова «куббат», что является основой в названии купола в большинстве ближневосточных, индоевропейских

и тюркских языков (менее распространенная альтернатива на основе «dom»).

Разного рода сфероконические и параболические купола — излюбленная форма для венчания античных и средневековых храмовых построек Ближнего (Куббат-ас-Сахра — Купол скалы) и Среднего Востока, а также Средиземноморья. В древности же квадратная в плане форма святилища очевидно была основной — сакральный кубический объем, венчавший зиккурат, также мог иметь истоки в названной традиции. Композиция зиккурата, очевидно, создавалась добавлением субструкций (в виде платформ) к квадрату неолитического храма. Согласно закономерностям формообразования [Байтенов, 2004, с. 198–202, 219], ступенчатая форма могла получиться путем «клонирования» платформ, количество которых со временем увеличивалось. В этом и реализовывался один из принципов формообразования, обеспечивавших «собираение пространства вдоль вертикальной оси» [Baitenov, 2022] (аналогично «клонированием»

вые формы, при этом параллельно могли использоваться и «старые», например, «одноэтажные» храмы в виде огороженного двора, в комплексе с зиккуратами. Кроме того, в сочетании компактного и вертикального объемов мы видим еще и одну из категорий композиционного «кластера» — церковь и колокольня, мечеть и минарет, надгробие и стела с эпитафией и т. д., что в наиболее обобщенном виде ассоциируется с «телом» и душой.

мастабы формировались древнеегипетские ступенчатые пирамиды; в основе «многоступенчатой» структуры пагод прослеживается основа в виде одноэтажного павильона и т. д.).

В этой связи мы предполагаем, что ступенчато-пирамидальная форма зиккурата, возможно, обусловившая и название этого сооружения (кур — «гора»), не была привнесена шумерами извне, как предполагает одна из гипотез [Ру, 2016], но сформировалась в Месопотамии на основе древнейшей местной традиции «одноэтажных» храмов — это сакральное ядро возносилось все выше благодаря увеличивавшемуся со временем количеству платформ под ним. В связи с этим, на наш взгляд, слог «кур», «гур» в названии зиккурата (а может быть и шумерск. GUR), в истоках мог иметь значение не «гора» или «строить высоко» (zaqāru), а быть близким к слову «ограждение», соответствовавшему изначальному сакральному ядру.

Слова «курук», «курум», «гур-хана» в Центральной Азии означали сакральные места с ограниченным доступом (ср. шум. *hurum* — «пещера», именно в пещерах часто устраивались святилища, напр. ближневосточная пещера Нахаль Хемар [Borrell et al, 2020]). В этом аспекте со словом «зиккурат» интересно сравнить Акк. *gurištu*, *hurdatu*, *guruš-garaš* и, может быть, *igirū* (“vulva”) (см.: [The Pennsylvania Sumerian Dictionary]), а также *Ħūr*, что ассоциируется с чистыми райскими девами гуриями, которых не касался ни человек, ни джинн [Коран, Сура 55]. То есть, в самом названии (с основой «ограждение») изначально мог быть заложен не только пространственный («гора», «высоко»), но и сакральный смысл («святилище»).

Появление в античности и в средние века в ближневосточном регионе сфероконических и иных куполов, сменивших древние святилища с квадратной основой, а затем обнаружение уже в современной архитектуре на ближневосточной «родине купола» кубических (квадратных) форм с заменой ими теперь уже сфероконических куполов — свидетельство родства всех этих форм на архетипическом уровне (комплекс

К. Ататюрка и мечеть Великого национального собрания в Анкаре, мавзолеев-музей Надиршаха в Мешхеде). Таким образом, очевидно, можно поставить вопрос о преемственной связи древнейших храмов со средневековыми купольными культово-мемориальными сооружениями рассматриваемого региона. Последние же, через Византию и Арабский Восток оказали влияние на значительную часть мировой архитектуры (Средиземноморье, Восточная Европа, Средний Восток и т. д.), но на своей «родине», даже в XX веке, безболезненно возвращались к «квадратному» прототипу. Все это может еще раз свидетельствовать о древнейших истоках архитектурных форм и особо устойчивым характере ближневосточной преемственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Афанасьева В. К. *Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве*. М.: ГРВЛ, 1979. 220 с. [Afanasyeva V. K. *Gilgamesh and Enkidu. Epic Images in Art*. Moscow: GRVL, 1979. 220 p. (in Russian)].

Байтенов Э. М. *Мемориальное зодчество Казахстана: эволюция и проблемы формообразования*. Алматы: КазГАСА, 2004. 243 с. [Baitenov E. M. *Memorial Architecture of Kazakhstan: Evolution and Problems of Shaping*. Almaty: KazGASA Publ., 2004. 243 p. (in Russian)].

Белицкий М. *Забывтый мир шумеров*. М.: ГРВЛ, 1980. 432 с. [Belitsky M. *The Forgotten World of the Sumerians*. Moscow: GRVL, 1980. 432 p. (in Russian)].

Брентъес Б. «Пра-мандала» Дашлы-3: как воплотить идею о всемирном владыке в архитектурной форме. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 190–208 [Brentjes B. The “Proto-Mandala” of Daschly-3: How to Embody the Idea of the World Lord in Architectural Form. *Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 190–208 (in Russian)].

Васильев Б. А. *Медвежий праздник*. СЭ. 1948. № 4. С. 78–104 [Vasiliev B. A. Bear Holiday. *Sovetskaya Ethnographia*. 1948. No. 4. Pp. 78–104 (in Russian)].

Коран, Сура 55:70–74, Ар-Рахман (Милостивый). [Quran, Surah 55:70–74, Ar-Rahman (in Russian)].

Корниенко Т. В. *Первые храмы Месопотамии: Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху*. Н. Я. Мерперт (ред.). СПб.: Алетея, 2006. 312 с. [Kornienko T. V. *The First Temples of Mesopotamia: Formation of the Tradition of Religious Construction in the Territory of Mesopotamia in the Preliterate Era*. N. Ya. Merpert (ed.). St. Petersburg: Aletheia, 2006. 312 p. (in Russian)].

Корниенко Т. В. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор. *Археологические вестни*. 2011. № 17. С. 70–95 [Kornienko T. V. Early Neolithic Steles of Northern Mesopotamia: A Preliminary Review. *Archaeological News*. 2011. No. 17. Pp. 70–95 (in Russian)].

Корниенко Т. В. Гендерные проявления в символике и изображениях человека на территории Северной Месопотамии в эпоху раннего неолита. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. № 4. С. 92–108 [Kornienko T. V. Gender Manifestations in the Symbolism and Images of Man in the Territory of Northern Mesopotamia in the Early Neolithic. *Problems of History, Philology, Culture*. 2015. No. 4. Pp. 92–108 (in Russian)].

Крамер С. *История начинается в Шумере*. М.: ГРВЛ, 1991. 240 с. [Kramer S. *History Begins in Sumer*. Moscow: GRVL, 1991. 240 p. (in Russian)].

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 671 с. [Myths of the Peoples of the World. *Encyclopedia*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1991. 671 p. (in Russian)].

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х томах. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992. 360 с. [Myths of the Peoples of the World. *Encyclopedia*: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1991. 360 p. (in Russian)].

Ру Ж. *Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия: царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э.* М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. 448 с. [Ru J. *Great Civilizations of Mesopotamia. Ancient Mesopotamia: The Kingdoms of Sumer, Akkad, Babylonia, and Assyria. 2700–100 AD BC*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2016. 448 p. (in Russian)].

Тесиджер У. *Озерные арабы*. М.: Наука, 1982. 147 с. [Tesiger W. *Lake Arabs*. Moscow: Nauka, 1982. 147 p. (in Russian)].

Финкель И. *Ковчег до Ноя: от Междуречья до Арарата. Клинописные рассказы о Потопе*. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 472 с. [Finkel I. *The Ark before Noah: From Mesopotamia to Ararat. Cuneiform Stories about the Flood*. Moscow: Olimp-Business, 2016. 472 p. (in Russian)].

Фрэзер Дж. Дж. *Фольклор в Ветхом завете*. Предисл. и комм. С. А. Токарева. Пер. Д. Вольпина. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1989. 544 с. [Frazer J. J. *Folklore in the Old Testament*. Foreword and comm. by S. A. Tokareva. Transl. by D. Volpina. Moscow: Political Literature Publ., 1989. 544 p. (in Russian)].

Хук С. *Мифология Ближнего Востока*. М.: Наука, 1991. 176 с. [Hook S. *Mythology of the Middle East*. Moscow: Nauka, 1991. 176 p. (in Russian)].

Шмидт К. *Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли Тене*. Клаус Шмидт. Пер. А. С. Пашченко; прим. и послесл. Т. В. Корниенко. СПб.: Алетея, 2011. 319 с. [Schmidt K. *They Built the First Temples. Mysterious Sanctuary of Stone Age Hunters. Archaeological Discoveries at Göbekli Tepe*. Klaus Schmidt. Trans. by A. S. Pashchenko; notes. and afterword by T. V. Kornienko. St. Petersburg: Aletheia, 2011. 319 p. (in Russian)].

Baitenov E. Forming of Types of Volumetric-Spatial Structures in Architecture. *Athena Transactions in Social Sciences and Humanities*. Vol. 2. *Proceedings of the 4th International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (АНТИ 2022)*. Pp. 119–126.

Borrell F., Ibaneza J., Bar-Yosef. Cult Paraphernalia or Everyday Items? Assessing the Status and Use of the Flint Artefacts from Nahal Hemar Cave (Middle PPNB, Judean Desert). *Quaternary International* 569–570 (2020). Pp. 150–167.

Robson E. *Mathematics in Ancient Iraq: A Social History*. Princeton: Publ., 2008. 472 p.

Carolin S. A., Walker R., Day C., Henderson G. Precise Timing of Abrupt Increase in Dust Activity in the Middle East Coincident with 4.2 ka Social Change. *PNAS*. 2019. Vol. 116. No. 1. Pp. 67–72.

The Pennsylvania Sumerian Dictionary. URL: <http://psd.museum.upenn.edu/nepsd-frame.html> (accessed 29.07.2023).